

Смирнова Мария Леонидовна

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА: ОТ ФОРМУЛЫ-ОБРАЗЦА К
ОРИГИНАЛЬНОМУ АВТОРСКОМУ СТИЛЮ**

В данной работе основным предметом изучения являются тексты проповедей Серапиона, епископа Владимирского. В качестве вспомогательно-сравнительного материала нами были использованы некоторые другие тексты из сборника "Златая цепь" (по Троицкому списку), тексты Изборника 1076 года, а также "Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого. Данные памятники были рассмотрены с точки зрения их лексических, синтаксических и семантических особенностей в плане организации текстового пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 182-186. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Ершов П. П.** Конек-Горбунок. Избранные произведения и письма / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В. П. Зверева. М.: Парад; БИБКОН, 2005. 624 с.
2. **Замахаев С. Н., Цветаев Г. А.** Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за сто лет ее существования: 1789-1889. Тобольск, 1889.
3. **Мифологический словарь.** М.: Просвещение, 1965. 300 с.
4. **Рукописное собрание стихотворений П. П. Ершова (Тобольские тетради)** // Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Научный архив. ТМ КП 13215.
5. **Савченкова Т. П.** Ишим и литература: век XIX-й: очерки по литературному краеведению и текст-раритеты. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2004. 312 с.

GRAIN GERMINATION MOTIVE IN P. P. ERSHOV'S LYRICS

Grigorii Viktorovich Sil'chenko

Department of Philology and Culturology
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
grishanja1982@mail.ru

The author considers such key motive of P. P. Ershov's lyrics as grain germination, establishes the connection of this motive with the image of heart, the motives of flowering and singing a song, which together characterize the subject of poetic creativity, tells that the analyzed motive is present not only in Ershov's poetic texts, but also in the aesthetic works and letters of the Siberian author that indicates its significance to the poet, and mentions that grain germination motive may have Christian subject matter in Ershov's works and be associated with the New Testament parable about the sower.

Key words and phrases: P. P. Ershov; lyrics; romanticism; grain germination motive; Christian tradition.

УДК 811.161.1

Филологические науки

В данной работе основным предметом изучения являются тексты проповедей Серапиона, епископа Владимирского. В качестве вспомогательно-сравнительного материала нами были использованы некоторые другие тексты из сборника «Златая цепь» (по Троицкому списку), тексты Изборника 1076 года, а также «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Данные памятники были рассмотрены с точки зрения их лексических, синтаксических и семантических особенностей в плане организации текстового пространства.

Ключевые слова и фразы: Серапион; «плетение словес»; риторика; Епифаний Премудрый; история литературного языка; «Златая цепь»; топосы; формула-образец; авторский стиль.

Мария Леонидовна Смирнова

Кафедра истории русского языка
Казанский федеральный университет
anglahel@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА:
ОТ ФОРМУЛЫ-ОБРАЗЦА К ОРИГИНАЛЬНОМУ АВТОРСКОМУ СТИЛЮ[©]

Материалом для исследования послужили четыре текста проповедей, считающиеся безусловно принадлежащими Серапиону Владимирскому (XIII век) и содержащиеся в древнерусском сборнике «Златая цепь» («Троицкий список» (XIV век)), которые можно безусловно полагать «собственно русскими» – созданными на русской почве. Тексты проповедей обозначаются цифрами согласно нумерации Е. В. Петухова, предложенной в его исследовании [6] как отражение порядка их расположения в «Златой цепи» и представляющей нам в достаточной степени соответствующей реальной хронологии создания текстов.

Использованные тексты из сборника «Златая цепь» Е. В. Петухова – это: 1) «Пооуче(н)е правыя вЪры Дшеполезно», рассматриваемое нами как переводное произведение с греческого образца; 2) «Пооуче(н)е стго Василья о житъи семь суетнемъ» – по мнению Филарета, это поучение русское; 3) «Сло(в) стго оца Василья пооучение ко всъм вЪрнымъ» – оно также полагается нами как русское произведение, но в большой степени подверженное влиянию переводных текстов.

Все привлекаемые нами тексты из Изборника 1076 года, по мнению учёных, славянского происхождения (во всяком случае, большинство из них), тогда как предшествующий ему Изборник Святослава 1073 года – почти буквальный перевод одного греческого сборника IX века.

Целью данной работы мы полагаем определение особенностей текста Серапиона (и нескольких других текстов из «Златой цепи») как принадлежащих определённому периоду развития русского литературного языка, а именно этапу перехода от текстового блока и формулы как фиксированных форм существования

лексемы к авторскому тексту, где употребление лексемы приобретает условно «свободный» от ближайшего текстового окружения характер.

Поставленная цель определила частные задачи данной статьи:

- 1) определение специфики средств выражения стиля «плетение словес»;
- 2) поиск вышеупомянутых средств в рассматриваемых текстах;
- 3) сопоставление текстов по принципу наличия/отсутствия интересующих нас признаков;
- 4) формулировка общетеоретических выводов на основе данных анализа.

Первые славянские переводы значительно зависели от греческих оригиналов и были в основном пословными. Очевидным минусом такого принципа было то, что не бралась во внимание специфика самого того или иного славянского языка. Был важен смысл, а не форма, которая могла варьироваться. Отсюда обилие калек, невыразительность повествования.

Постепенно текст приобретал оригинальное, славяноязычное наполнение, но нормирующим фактором в таких условиях оставалась введенная извне форма, развивавшая свои образцы в литературном тексте. Тексты обладали своей системой и иерархией представления, в том числе ритмов, разрушив которые, нельзя было не править весь текст. Строгая соразмерность слов и гармония форм создавали рамку синтагм.

Таким образом, возникала норма-образец. То есть можно сказать, что тексты не создавались заново, а репродуцировались, возникали текстовые вариации, что дало возможность Д. С. Лихачёву говорить об «эпохе молчания» в древнерусской литературной традиции [3].

Впоследствии образцы-тексты внедрялись в сознание и формировали семантику новой культуры (Д. С. Лихачёв выдвинул в связи с этим «теорию открытого текста») [4].

Традиционный, характерный для средневековой литературы метафорически-символический стиль в значительной степени сдерживал развитие художественного творчества. Замедленность общественного развития в Средние века и наличие религиозного мировоззрения, связывавшего сознание твердо установленными нормами, надолго закрепили определенные представления, а в искусстве – приемы их художественного воплощения. Особо выразительные средства художественного языка, наилучшим образом передававшие черты общего идеального, своей повторяемостью и постоянной их словесной формой и создают в средневековой литературе впечатление литературной «формулы» (термин активно используется в работах В. В. Колесова [1], Д. Р. Копосова [2] и других учёных).

Необходимость соблюдать существующие правила и положения сковывает инициативу писателя, а он интуитивно ищет новые способы выражения, изобретает новые приемы воплощения творческой идеи.

Развитие – творческий процесс, обратной стороной которого являются разрушение исходных формул и, как следствие, расширение текстовых потенциалов слова.

Однако выйти за рамки установившихся традиционных формул в рассматриваемый нами период автор еще не может. Пока он способен лишь к составлению оригинальных словосочетаний, избирательному, «изошпренному» применению узаконенных предыдущей традицией средств.

Попытку авторского текста «вырваться из оков» традиционных формул принято датировать рубежом XIV-XV веков. Особую роль в истории развития русского языка отдают Епифанию Премудрому. Риторическая основа его произведений, а именно топоры и тропы, сближающие текст учительной прозы со стихосложением, позволили ему, по мысли С. Матхаузеровой [5], преодолеть замкнутость формул. Так возник тот вид метафорически-символического стиля древнерусской литературы, который известен как «плетение словес».

Этот новый сложный стиль, основанный на библейских символах и традиционных стилистических формулах, пришедший на Русь из Византии через Сербию и Болгарию и получивший в каждой стране своеобразное воплощение, достиг своей вершины в «Житии Стефана Пермского», написанном иноком Троице-Сергиевой лавры Епифанием Премудрым. Определить особенности этого явления – задача крайне сложная.

Первоначальный смысл этого выражения – «плетение словесных венков», т.е. создание похвал, но потом это выражение приобрело смысл создания словесной орнаментики. «Плетение словес» основано на внимательном отношении к слову: к его звуковой стороне, к этимологии и грамматическим потенциалам слова, к тонкостям его семантики, а также на любви к словесным новообразованиям. Поиски слова, нагромождения эпитетов, синонимов исходили из представления о тождестве слова и сущности божественного писания и божественной благодати.

Абстрагирование поддерживается постоянными аналогиями из библейских книг. Для «высокого» стиля Средневековья характерны трафаретные сочетания, привычный «этикет» выражений, повторяемость образов, сравнений, эпитетов, метафор и т.д. Также его характерной чертой является синтаксический и семантический параллелизм.

Авторы стремятся избежать законченных определений и характеристик. Они подыскивают слова и образы, не удовлетворяясь найденными. Они без конца подчеркивают те или иные понятия и явления, привлекают к ним внимание, создают впечатление невыразимой словами глубины и таинственности явления, доминирования духовного начала над материальным. Зыбкость материального и телесного при повторяемости и «извечности» всех духовных явлений – таков мировоззренческий принцип, становящийся одновременно и принципом стилистическим. Этот принцип приводит к тому, что авторы широко прибегают и к таким приемам абстрагирования и усиления эмфатичности, которые с точки зрения нового времени могли бы скорее считаться недостатком, чем достоинством стиля. Таковы соединения однокоренных слов: «начинающему начинание», «устрашиться страхом», «запрещением запретить», «учить учением» и т.д. Некоторые из подобных однокоренных сочетаний свойственны русскому языку вообще, однако в ряде случаев намеренность однокоренных сочетаний видна вполне ясно: «насытите сытых до сытости, накормите крмящих вас, напитайте питающих вы».

Говоря о сочетаниях однокоренных слов, мы должны сказать и еще об одном явлении, связанном с этим, – о своеобразной игре слов, их «извитии». Эта игра слов должна была придать изложению значительность, ученость и «мудрость», заставить читателя искать «извечный», тайный и глубокий смысл за отдельными изречениями, сообщить им мистическую значительность. Перед нами как бы священнописание, текст для молитвенного чтения, словесно выраженная икона, изукрашенная стилистическими драгоценностями. «Печаль приат мя и жалость поят мя» – говорит о себе автор «Жития Сергия Радонежского». Одна из добродетелей того же святого – «простота без пестроты». Ту же игру созвучиями, придающими речи особую афористичность, представляют и следующие примеры: «чадо Тимофее, внимай чтению и учению и утешению»; «один инок, един въединенный и уединяся, един уединенный, един единого бога на помощь призывая, един единому богу моляся и глаголя».

Организуя принцип построения текста поэтической традиции «вития» или «плетения словес» становится соположение сигналов, сходных как в плане выражения, так и в плане содержания. Эффект «вития словес» заключается в том, что повторяющиеся компоненты как значения, так и звучания аккумулируются в сознании говорящего/слушающего, причем с каждым новым повторением «заряд» этот усиливается (разумеется, до определенных пределов). Одновременно на этом чуть ли не тавтологическом фоне отчетливо проступают и приобретают значение такие различия, которые в другом контексте были бы нерелевантными. В предельном случае абсолютной тавтологичности значение могут приобретать мельчайшие нюансы интонирования, тембра и т.п., а если их в тексте нет, то они возникают в процессе его восприятия/интерпретации (ср. восприятие орнамента).

Обратимся к «Житию Стефана Пермского» как образцу стиля «плетения словес».

Выражение «плетение словес» и близкие ему встречаются во вступлении Жития и в финальной части – в плаче и похвале агиографа, образуя композиционную рамку текста. Во вступлении Епифаний пишет так: «Не бывавши ми во Афинех от уности, и не научихся у философовъ их ни плетения риторьска, ни ветийскихъ глаголь, ни Платоновых, ни Аристотелевыхъ бесед не стяжах, ни философи, ни хитроречиа не навыкох, и спроста – отинудь весь недоумения наполнихся. Но наденюся на Бога всемилоствига и всемогущаго... Иже дасть нам милость Свою обилно Своею благодатию, и молися Ему, преже прося у Него слова потребна, аще дасть ми “слово надобно въ отвержение усть моихъ”» (ср. Книга пророка Исаии, гл. 50, ст. 4).

Правда, в конце Жития выражение «плетение словес» лишено бесспорно отрицательного значения, и Епифаний посредством этого слова обозначает свой собственный стиль: «Да и азъ, многрешный и малоразумный, последуя словесемъ похвалений твоих, слово плетуци и слово плода, и словом почтити мянши, и от словесъ похваление собирая, и приобретаая, и приплетая...». Впрочем, в этом фрагменте «плетение словес» не наделено безусловно положительным значением: это всего лишь способ работы книжника, обращающегося, как можно понять, из-за греховности и «малоразумия», к словам из чужих произведений – за недостатком слов собственных.

Как правило, Епифаний сочетает в пределах одного фрагмента приемы на звуковом, на синтаксическом, а иногда и на семантическом уровнях.

«Любовь» Епифания Премудрого к синонимии исключительна. В Житии Стефана Пермского встречается синонимический ряд, состоящий из 25 слов. Большинство из них не являются языковыми синонимами, но приобретают функцию синонимов в этом единичном контексте. Д. С. Лихачев рассматривает синонимию в стиле «плетения словес» как выражение двух тенденций. Это установка на выразительность и эмоциональность текста и тенденция к абстрагированию, к выделению в разном общем и в конечном счете абстрактного. Для книжника важны не оттенки значения слов-синонимов (как обыкновенно в литературе Нового времени), а общее, что есть между ними [3].

Часто Епифаний прибегает к такой риторической фигуре, как единоначатия (анафоры): одинаковые слова или словосочетания открывают соседние предложения. На анафорических конструкциях построена речь волхва Пама, обращенная к Стефану: «Или кто есть давший тебе власть сию (Мф. 21:23)? Или кто есть пославый тя в землю нашу, да сия твориши? <...> И таковое лихихитроство сделал еси, иже инь никтоже не створи... И таковую вещь сделал еси, еяже и слух наш не вместит...».

Динамика текстов отражает развитие языка. На основе описанных изменений можно представить процессы, происходившие в литературном языке. Со временем произошёл переход от выражения абстрактно-общего к выражению авторского конкретно-личного.

Уже в XII веке стало возможным расхождение между традиционной темой и разработанным на её основе сюжетом. Постепенно эти различия становились более явными. Именно в процессе таких преобразований мы наблюдаем основные изменения (эволюцию) текста, а следовательно, языка художественной речи в целом.

Изучаемые нами тексты, а именно Слова-поучения Серапиона Владимирского, датируются XIII веком. На основе анализа данного материала можно утверждать, что в этот период отдаление от формулы-образца в сторону оригинального авторского стиля было уже выражено в значительной степени. Наиболее показательные в стилистическом плане языковые явления стали посредниками, через которые старославянская традиция языка входила в оборот русской книжной культуры. Необходимо уточнить, что стиль текста Серапиона ещё нельзя назвать «плетением словес». Но он уже содержит в себе его «зачатки».

Рассмотрим некоторые примеры из сборника «Златая цепь», принадлежащие перу Серапиона и нескольких других авторов, в качестве доказательств нашей гипотезы.

В качестве основных критериев анализа текстов мы взяли вышеописанные признаки стиля «плетения словес».

1. Параллелизм синтаксический и семантический (часто с анафорическими элементами).

«Слов пр(е)п(о)д(о)бнаго w(т)ца нашег Серапиw(н)а» (Слово № 1).

«Не послушахомъ еу(н)г(е)лья не послушахомъ ап(о)с(то)ла не послушахомъ пр(о)р(о)къ не послушахомъ свѣти(те)ль великихъ...» – лексический повтор формы аориста задаёт синонимический ряд-перечисление объектных именных форм: евангелия/апостола/пророк/святитель – в родительном падеже.

«...Аще отступимъ скверныхъ и нем(и)л(о)ст(и)выхъ судовъ аще премѣнимся кровавогъ рѣзоимства и всякого грабленья татбы разбоя и неч(и)ст(а)го прелюбодѣиства отлучающа отъ Б(о)га сквернословья лжѣ клеветы и поклепа иныхъ дѣлъ сотонинныхъ аще сихъ премѣнимся добръ вѣдѣ яко блгая примутъ ны не токмо в сии вѣкъ в буд(у)щии...» – присутствие в контексте синонимического ряда в составе параллельных конструкций с опорным словом-глаголом в форме настоящего-будущего простого времени (аще отступимъ / аще пременимся / аще сихъ пременимся) очевидно.

«Поучение пр(е)п(о)д(о)бнаго Сирапионъ» (Слово № 2).

«...Аще кто вась розбоиникъ разбоя не останеть аще кто крадетъ татбы не лишиться аще кто ненависть на друга имать враждуя не почиваетъ аще кто обидитъ и всхватаеть грабя не насытитесь аще кто рѣзоимецъ рѣзь емля не престанет...» – помимо синтаксического параллелизма конструкций в данном примере также ярко представлено использование сочетаний однокоренныхъ и синонимичныхъ слов.

«Кому грядемъ кому приближаемся отходяще свѣтъ сего. Что реч(е)мъ что отвѣщаемъ...» – в примере также прослеживается использование синонимическихъ рядов: грядемъ – приближаемся; реч(е)мъ – отвѣщаемъ. Подобное наложение риторическихъ приёмовъ призвано создать более объёмный текст в плане его образности и обеспечить читателю/слушателю ощущение более глубокого погружения в контекст.

«Не плѣнена ли быс земля наша не взяти ли бышъ гради наши не вскорѣ ли падошъ о(т)ци и брата нашъ трупимъ на з(емлю). Не ведены ли быша жены и чадъ нашъ въ плѣнь не порабошени быхомъ оставше горкою си работою...» – пример семантического параллелизма конструкций, выстраиваемыхъ от глагольной формы аориста посредством условно-союзной связи: не ли/не ли и такъ далее.

«Кто же ны сего доведетъ Нашъ безаконье и нашъ грѣси нашъ неслушанье нашъ непокаянье...» – анафорическая структура, одновременно представляющая собой синонимический ряд.

«Сло(в) стго прп(д)бнаго Сирапиѡ(н)» (Слово № 3).

«...Кыми ли словесы не наказаетъ на(с) кыми ли запрѣщении не запрѣти на(м)...» – в параллельныхъ конструкцияхъ используется и парное сочетание с корневымъ повторомъ «запретить запрещениемъ», представляющее собой развитие общеславянской схемы удвоения корня по типу «судъ судити, рядъ рядити» и такъ далее (см. диссертацию Д. Р. Копосова [2]).

«...Не покаяхомся о безаконии наши(х) не отступихомъ злы(х) обычаи наши(х) не оцѣстихомся калу грѣховнаго забыхомъ казни страшныя на всю землю на(ш)...» – ещё пример семантико-синтаксического параллелизма.

«...Еже самого вл(д)кы нашего болшая заповѣдь еже любити другъ друга еже мл(с)тъ любити ко всякому члвку еже любити ближняго своего аки себе еже тѣло ч(с)то зблости а не осквернено бу(д)тъ блюдо(м)...» – параллелизм поддерживается использованием относительного местоимения: еже/еже/еже...

Сравним в «Поучении стго Всилья о житьи семь суетнемъ»: «...никому же верыати не томитися гневомъ не бытии держиму похотию не безъ ума гневатися на ближнего...».

2. Соединение однокоренныхъ слов; тавтологические образования, в предложенныхъ вариантахъ обнаруживающие приёмъ градации.

В Слове № 3: «В ню же мѣру мѣрите възмѣритъ вы ся... / языкъ нем(и)л(о)ст(и)въ языкъ лють языкъ не щадящъ...».

В Слове № 2: «Обновитес добрымъ обновлениемъ...».

В «Поучении стго Всилья о житьи семь суетнемъ»: «...стражующими страдати с пачующими плакати. Осужену бытии а не осужати...».

В «Сло(в) стго оца (В)асилья поучение ко всемъ вернымъ»: «оубиства оубиственее»; «дшегубыя дшегубнее»; «ереси еретичьстее»; «пагубы пагубнее».

В Слове № 1: «...обращюс к вамъ отступите отъ всѣхъ а(з)ъ отступлю казня вы Доколь не отступимъ отъ грѣхъ нашихъ...».

3. Аналогии с библейскими текстами.

Слово № 2: «Слышимъ бо Ниневгю градъ бывше великийи множествомъ людийи полнь же безаконья Б(о)гу хотящу потребитъ аки Содомы и Гоморы Иону пррка посла да попроповѣдаеть погыбе(л) гра(д) и(х)...».

Слово № 4: «Яко Двѣдъ прркъ и ц(с)ръ потр(е)бляше отъ гра(д) Ер(с)лм(а) вся творящая без(а)коние о всехъ оубитиимъ инихъ заточение(м). инихъ же темницами всегда градъ Г(с)нь ч(с)тъ творяе отъ гре(х)» / «Слышаште отъ Б(о)га казнь посылаему на землю отъ первыхъ ро(д) до потопа...».

Такимъ образом, мы обнаружили в текстахъ более раннихъ (не позднее XIII вѣка), нежели сочинения, написанные в стилѣ «плетение словесъ» (XIV-XV вв.), признаки перехода к авторскому стилю. Особенно очевидно данные признаки проявляются в сравнении с текстами иного происхождения (хотя и подобнаго содержания).

Текст из сборника «Златая цепь» «Поучение правья веры дшеполезно», по мнению многихъ учёныхъ, является не исконно славянскимъ, а переводомъ с греческаго оригинала. При анализе данного текста по аналогичнымъ (вышеописаннымъ) критериямъ мы обнаружили лишь анафорическую конструкцию в самомъ начале поучения: «Придите братие и сестры придте малии влиции придте попове...». Интересующихъ насъ риторическихъ конструкций в данномъ тексте более не наблюдается.

Также нами были изучены тексты Изборника 1076 года, безусловно, ещё более ранние, нежели Поучения Серапиона. В этихъ текстахъ интересующие насъ риторические конструкции, иллюстрирующие переход отъ текста-образца к авторскому тексту, совершенно не выражены. Поскольку учёные, занимающиеся изучениемъ Изборника, пришли к выводу, что тексты, составляющие его, – славянскаго происхождения, мы делаемъ вывод, что они принадлежатъ более раннему этапу истории развития русскаго языка, на которомъ тексты строго придерживались нормы-образца.

Изучение текстов Серапиона и сопоставление их с текстами других авторов подобного жанра различных временных отрезков средневековой литературы привело нас к выводу: наиболее показательные в стилистическом плане языковые явления на русской почве абсолютизировались как материал воспроизводства текстовых формул (чтобы затем разрушить их изнутри, подобно тому, как вставочные гласные разрушили фонемный статус редуцированных гласных и изменили систему древнерусской фонетики в целом), стали посредниками, через которые старославянская традиция языка входила в оборот русской книжной культуры и «растворялась» в ней. Стил «плетение словес», являясь своеобразным индикатором оригинального авторского творчества, определяет границы преобразования текста рубежом XIV–XV веков. Однако проделанная нами работа «отодвигает» эту границу более чем на полтора века назад – именно тогда закладывались основы сознательного манипулирования словом без учёта его контекстного окружения.

Список литературы

1. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Ленинградский университет, 1989. 296 с.
2. Копосов Д. Р. Варьирование языковых средств в текстах церковно-книжных жанров Древней Руси: текстовые особенности Словопоучений Серапиона, епископа Владимирского, XIII век: дисс. ... к. филол. н. Казань: Казанский государственный университет, 1998. 202 с.
3. Лихачёв Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России: тезисы доклада // IV международный съезд славистов: материалы дискуссии. М., 1962. С. 31–32.
4. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 376 с.
5. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага: Univerzita Karlova, 1976. 147 с.
6. Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 440–455.

**MEDIEVAL TEXT DEVELOPMENT FEATURES:
FROM FORMULA-PATTERN TO ORIGINAL AUTHOR'S STYLE**

Mariya Leonidovna Smirnova

*Department of Russian Language History
Kazan' Federal University
anglahel@bk.ru*

The author studies the sermons texts of Serapion, the bishop of Vladimir, as subsidiary-comparative material uses some other texts from the collection "Golden Chain" (according to Trinity list), the texts of Izbornik (collection) of 1076, and also "The Life of St. Stephen of Perm" by Epiphanius the Wise, and considers these monuments in terms of their lexical, syntactic and semantic features in relation to textual space organization.

Key words and phrases: Serapion; "ornate words plaiting" (verbal pyrotechnics); rhetoric; Epiphanius the Wise; history of literary language; "Golden Chain"; topoi; formula-pattern; author's style.

УДК 316.77:001.12/18

Филологические науки

В статье раскрывается понятие феномена «медиасобытие», его сущностные характеристики и связь с новостными сообщениями средств массовой коммуникации. Фактор глобализации, интенсивность воздействия массовой коммуникации на социум изменили коммуникативное поведение аудитории, что предельно актуализирует проблему «событийности» в жизни современного общества и в средствах массовой коммуникации. Становится еще более актуальной проблема отбора жизненных событий для медийных новостных лент, обостряется вопрос «квази-событийного» контента массовой коммуникации. На основе обобщения материала по исследуемой проблеме автором предложено определение «медиасобытия» и выделены наиболее важные компоненты структурирования медиатекста о событии.

Ключевые слова и фразы: событие; медиасобытие; медийное событие; псевдособытие; массмедиа; медиатекст; контент массовой коммуникации; новостной поток средств массовой коммуникации.

Валентин Евгеньевич Соломин

*Кафедра истории журналистики
Воронежский государственный университет
solominve@yandex.ru*

МЕДИАСОБЫТИЯ В НОВОСТНОМ ПОТОКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ[©]

Понятие «событие» является принципиальным для многих наук, как гуманитарных, так и социальных, естественных, также используется в математике. Понимание «события» сводится к следующему:

1. Отношение частного разума и бытия; осознаваемое, воспринимаемое и/или создаваемое частным разумом подмножество пространства исходов бытия.